

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
Лакомка	13
Вера	25
Молодильные яблоки	45
Лицо и головы	95
Маковые братья	105
Павлов	133
Супергерой	141
Потаповы	155
Начало	165

Пиратская песня	181
Лакшми	195
Присуха	227
Сестромам	281
Несчастливая Москва	301

Татьяне Новосёловой

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло почти пять лет с тех пор, как появилось первое издание сборника «Сестромам». Это была моя вторая опубликованная книга после «Калечины-Малечины», но первая по хронологии написания большинства рассказов. В «Сестромаме» собраны тексты, написанные в самом начале моих писательских практик, в период с 2009 по 2019 год. Это книга о постсоветской семье и постсоветской стране и о процессе взросления в них и взросления из них. Эта книга — моя лаборатория, в которой я десятилетие искала свой язык, свои темы, своих героинь и героев. Здесь есть автофикшен-истории из жизни моей семьи, но бóльшая часть текстов — придуманные по мотивам реальности рассказы. И за годы реальность вокруг сильно преобразовалась, случилась

не одна катастрофа, но темы семьи, одиночества, борьбы с насилием, поиска и отстаивания своей идентичности, адаптации в новых обстоятельствах, в том числе в условиях катастрофы, снова тошнотворно актуальны.

Отдельные тексты из «Сестромама» стали неловко пророческими, например повесть «Несчастливая Москва». И не то чтобы я рада этому. Но я безусловно рада, что у некоторых этих историй получилась счастливая судьба в адаптациях. По мотивам «Несчастливой Москвы» режиссёрка Марина Брусникина поставила спектакль «В кольцах», режиссёрка Юлия Скирина для театра адаптировала со своими студийками-подростками рассказ «Сестромам», народный театр «Новая сцена» в Переславле-Залесском адаптировал этот же рассказ, кинорежиссёр Матвей Фикс снял короткий метр по мотивам рассказа «Павлов», кинорежиссёрка Катя Скакун экранизировала рассказ «Лакшми» (фильм «Руки»).

За прошедшие пять лет мы с коллежанками открыли Школу литературных практик, я начала сама преподавать творческое письмо, прочла очень много самых разных текстов, наблюдала, как наши студент:ки обращаются в писатель:ниц, копродюсировала литературные антологии, написала роман и сборники рассказов — мой взгляд на эти тексты, отношение к ним и на их способ сборки в одну книгу изменился. Для это-

ПРЕДИСЛОВИЕ

го переиздания я пересобрала рассказы «Сестромама» в другом порядке, не по примерной хронологии написания, как было раньше, а сгруппировала их по смыслу, темам, отношениям друг к другу. Сначала идут тексты о материнских предках и о женском, потом о мужских предках и о маскулинном, дальше тексты о создании новой семьи или / и выходе из семьи в другую, самостоятельную, одиночную жизнь в мегаполисе.

Это издание «Сестромама» выходит в моей авторской серии «Новые сказки Евгении Некрасовой», и иллюстрации, как и к предыдущим книгам серии, нарисовала одна из моих любимых современных художниц Ульяна Подкорытова, которая через свои рисунки дополняет мои тексты необходимой лубочной иронией.

Ещё из перемен, не радостных, — одному из текстов «Сестромама», рассказу «Поля», и вовсе пришлось исчезнуть из книги, поскольку не так давно были приняты сюрреалистичные законы на территории РФ. Но я не перестаю надеяться, что это не последнее переиздание сборника и мы доберёмся до того времени, когда тьма рассеется, насилия станет меньше, а нашей субъектности — больше.

Евгения Некрасова

2023

ЛАКОМКА

Ангелине Кузьминичне Некрасовой

Кочевое царство света разбило лагерь в квартире номер три на Первомайской улице. Лучи лезли в глаза, как слепни. Крест рамы был съеден ими почти до основания. Подоконник исчез вместе с рассадой, тюль будто высох и рассыпался в пыль. Книжный шкаф, диван, кресло, два стула, гардероб, кровать и телевизор — всё дрейфовало в липком солнечном желтке.

— Тебе обед разогреть?

Инна замотала головой. Мама лежала на диване в клумбе своего халата и нарочно говорила строго — дочь вчера уронила сервант на кухне. Весь набор посуды — вдребезги и в помойное ведро. И собирать умаялись.

Хлопковые розы украшали маму от колен до шеи. Инна удивлялась, почему не колются.

— Ну, как знаешь. До ужина ещё долго.

Мамины пятки, похожие на присыпанные мукой горбушки, были сложены одна на другую. Большая и красивая, она лежала на боку, полу-согнув колени и подложив руку под голову. Чёрные пряди-повстанцы, сколько ни убирала, сбивались на потных висках, открывая справа глупокий молочный шрам.

— Мороженого бы... — проговорила мама, зевая, и отвернулась лицом к спинке дивана, спиной к Инне.

Когда она заснула, солнечные лучи котятками обосновались на её боку, не боясь шипов. Инна тихо подошла к спящей и с надеждой посмотрела ей в спину. Вот сейчас мама повернётся и скажет Инне что-нибудь ласковое. Но мама спала, и розы дремали вместе с ней.

Сервант опрокинула, да. Но откуда же знать, что клюквенное уже давно переехало оттуда в кладовую... Инна задумалась. А что, если, пока мама спит, сходить до ларька и купить ей мороженого? Страшно, конечно, но зато мама так обрадуется, что обязательно забудет про сервант.

Деньги прятались в кошельке. Кошелёк в сумке. Сумка в ящике. А ящик, будто язык, высовывался из гардероба. Но гардероб на замке. За-

мок на ключе. Ключ в кладовке — серьгой на крючке.

Инна щёлкнула выключателем, потом пыталась долго открыть дверцу кладовки, но местное чучело из куртки и кепки крепко подпирало её изнутри. Инна, упрямая, давила что есть силы. Чучело чуть-чуть ещё поборолось и сдалось. Ключ висел с ним по соседству. Инна стащила его и, прокравшись на цыпочках мимо мамы, отворила гардероб.

Ящик выдвинулся только на треть и застрял в пазах. Инна тянула его на себя. «Не покажу язык, — капризничал гардероб, — и зачем тебе деньги? Куда-то ты собралась, да ещё без мамы?! Упадёшь, пропадёшь! Сиди дома!» — «Мне надо, я и пойду!» — упиралась Инна и продолжала тянуть гардероб за язык. Он ругался, поскрипывал, но не сдавался. Инна раздражённо задвинула ящик обратно в паз, и гардероб, видимо, от боли тут же выдал ей свой язык до самого корня, издав громкий деревянный стон. Инна застыла. Мама пошевелила пяткой, но не проснулась.

Все деньги решила не брать, ещё потеряет. Одной такой бумажки хватит. Обувка где? Мама, наверное, всё куда-то спрятала — Инна же больше двух лет не ходила на улицу. Ничего-ничего, прям так, в тапках.

Связка ключей лежала на тумбе в коридоре. Чучело махало на прощание из кладовки. И ехидно скалилось. Знало, что Инну ждут ещё две другие двери. Они всю жизнь ненавидели людей и оба мира, воротами в которые являлись: и наружный, и внутренний. Плевались ключами, зажимали их мелкими зубками, хлопали, скрипели — в общем, делали всё, чтобы хозяевам и гостям было чрезвычайно неудобно.

Внешняя дверь с металлическим скелетом, та, что жила лицом в наружный мир, была старше и озлобленней, чем внутренняя. Тяжело двадцать лет вдыхать подъездные запахи, корчиться обивкой от холода да смотреть на злобные рожи. Заноза по характеру.

Внутренняя, из дерева, была легче, моложе, спокойнее. Жила в тепле, плохих людей не знала, дышала только запахами своей квартиры. Поэтому и открывалась быстрее. Но в этот раз именно она раскапризничалась. Прodelала полный набор известных всем дверям трюков: жевала ключ, стопорила замок, не поворачивала ручку и прочее. Но Инна продолжала тихо сражаться, пока вдруг сверху не пополз знакомый шум.

Соседка с четвёртого этажа (а Инна сразу догадалась по звуку, что это она) бойко сходила вниз по лестнице. Любопытная, до всего охочая бывшая учительница Евгения Степановна. Не

хватало ещё, чтобы она, услышав драку с дверью, позвонила в звонок и разбудила маму. Пришлось прерваться. Поравнявшись с квартирой номер три, соседка остановилась. Инна зажмурилась от страха. Евгения Степановна хрустнула молнией и отправилась дальше.

Инна заново вцепилась в дверь, и та наконец поддалась, предательски громко скрипнув. Ничего-ничего. Мама спала. Инна отчётливо слышала её правильное, размеренное дыхание.

Вторая дверь, видно сжалившись над Инной или просто решив с ней не связываться, открылась быстро. Подъезд ударил в нос запахом мочи. Солнечные лучи брезгливо ступали на загаженные ругательствами стены. На пол не вставали вовсе. Подъездная дверь оказалась современная. Отворилась от нажатия маленькой кнопки, правда, Инна потратила три минуты, чтобы нащупать её в темноте.

Улица как улица, совсем как из окна. Чего бояться-то? Удивительно, что здесь меньше солнца, чем у Инны дома. Она поёжилась, было прохладно. К счастью, никого из соседей поблизости. А то бы начали приставать с расспросами, куда она собралась без мамы.

Лучшее мороженое продавалось известно где — на площади, в синей коробке с окошком. Идти отсюда, смешно сказать, минуты четыре.

Обойти дом, там и площадь. А на другом её конце — ларёк. Они, между прочим, живут с мамой в самом центре города. Инна повернула направо от подъезда и захромала вдоль пятиэтажки. Бумажка капустным листом скрипела в сжатом кулачке. Внезапно Инна увидела Евгению Степановну, выплывшую из-за поворота ей навстречу. Полная, с непропорционально тонкими руками, соседка походила на старый школьный рюкзак с протёршимися ручками, к одной из которых был привязан пластиковый пакет с покупками.

Инна огляделась и зашла за кирпичную подвальную пристройку, покатуя, как детская горка. Под ногами что-то хлюпнуло. Инна опустила голову и увидела, что наступила в тарелку с густой серой жижей. Местные женщины кормили хмурых уличных котов. То ли каша, то ли картофельное пюре забралось Инне на левый тапок и измазало свисающий за подошву шерстяной носок. Инна принялась водить ногой по асфальту, оставляя серое на сером.

Вдруг рядом возникла Евгения Степановна. Инна, отпрянув назад, в самый угол, снова ступила в тарелку уже правой. Соседка прошла мимо, бормоча что-то себе под нос, словно повторяя выученный урок. «Сдачу считает», — поняла Инна.